

СИНЕРГЕТИКА И ПРОБЛЕМА КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

The article reveals the main principles of synergetic and perspectives of their use in historical investigations.

Синергетика как естественнонаучная парадигма заняла прочное место в физических, математических и биологических исследованиях. Познавательные возможности данного подхода действительно чрезвычайно велики, что не могло не привлечь внимания социальных наук, начавших активное освоение наработок новой парадигмы. Вместе с тем, вопрос о степени эффективности синергетического подхода для исследования гуманитарной сферы остается открытым. В исторической науке предпринимаются попытки в той или иной мере использовать соответствующие методологические разработки для изучения событий прошлого. Синергетические принципы ложатся в основу концептуальных построений исторической науки, понятийный аппарат последней обогащается новыми терминами. При этом анализу подвергаются также отдельные аспекты социальной жизни (например, религиозные воззрения).

Становится все более очевидным, что синергетические принципы являются вполне эффективным инструментарием исторических исследований. С их помощью стали возможными новое видение многих социальных процессов, реконструкция и интерпретация некоторых неоднозначных исторических событий и выявление причинно-следственных связей в истории. Применение понятий нелинейности, диссипативных систем, выяснение сущности процесса самоорганизации системы позволяют свежим взглядом оценить многие общественные явления.

Тем не менее говорить о полном и безоговорочном принятии синергетической парадигмы исторической наукой было бы преждевременным, по крайней мере, в силу нескольких причин.

Прежде всего, следует отметить, что синергетика возникла и получила свое развитие как наука о неживой природе, принципах ее устройства и развития. При этом необходимо подчеркнуть, что представители синергетики не раз указывали на наличие определенной степени подобия изучаемых ими явлений и ряда процессов, происходящих в социальной сфере. Такие рассуждения действительно имеют под собой серьезные основания.

Во-первых, синергетика базируется на изучении системных явлений, принципов их функционирования и развития. Историческая наука имеет в своем арсенале так называемый историко-системный метод, «синтезирующий системные элементы, которые содержатся в индивидуальных и неповторимых исторических событиях, исторических ситуациях» [1], и, в более широком смысле, для нее характерно применение системного подхода к исследованиям. В рамках социальной реальности также можно выделить набор ключевых элементов, состоящих между собой в причинно-следственных, функциональных и иных связях и отношениях.

Во-вторых, в основе любой научной методологии – и естественнонаучной, и гуманитарной – лежит совокупность универсальных, общих для всех направлений методов (общенаучные методы). Более того, к настоящему моменту представляется очевидным, что исследования социальной реальности и неживой природы не являются изолированными, они тесно связаны и зачастую вырастают друг из друга. Оба вида исследований во многом определяются господствующей на данный момент общенаучной картиной мира.

В-третьих, речь можно вести и о том, что принципы и методы изучения социальной действительности нередко в той или иной мере заимствовались из естественнонаучной картины мира, в том числе в рамках междисциплинарных тенденций, набирающих силу последние десятилетия. Данный тезис означает, что видение историками явлений социаль-

ной реальности во многом смоделировано методами смежных и даже естественнонаучных дисциплин.

Несмотря на перечисленные факты, сами ключевые свойства социального бытия являются условием далеко не завершившейся адаптации синергетического подхода к социогуманитарной сфере. Указанная незавершенность основана, по мнению автора, на ряде факторов или, точнее выражаясь, на ряде нерешенных методологических проблем.

Проблема детерминизма. Синергетикой были окончательно обоснованы представления о так называемом нелинейном детерминизме. Суть нелинейности заключается в возможности принятия более чем одного типа решения, в постоянно существующей для системы возможности выбора и постоянно существующей неопределенности. Вместе с тем, подавляющее большинство объяснительных схем истории, существовавших до сих пор, основаны либо на непосредственном постулировании линейности (точнее, прямолинейности) социального развития, либо на модификации указанных представлений. К последним можно отнести, в частности, разнообразные схемы циклического развития общества, в соответствии с которыми общество проходит ряд последовательных стадий развития, имеющих свойство повторяться, пусть и на новом уровне. В любом случае содержание каждого цикла во многом известно заранее, чего нельзя сказать при рассмотрении тех же событий через призму нелинейности.

Очевидно, что циклические схемы общественного развития по своей внутренней сути ближе к линейному детерминизму, чем к нелинейному. Вместе с тем, идеи и методы нелинейной динамики могут быть рассмотрены как дальнейший шаг, позволяющий довести до логической завершенности именно циклические представления о ходе общественного развития. С одной стороны, становится возможным рассмотрение истории всего человечества как единого процесса, избегая присущего многим глобальным схемам европоцентризма. В этом случае существование на одном историческом этапе менее развитых и более развитых обществ интерпретируется как множественность состояний, т. е. как одно из свойств нелинейных систем. С другой стороны, на уровне конкретно-исторического анализа общественные структуры наделяются свойством самоорганизации, а их развитие рассматривается как бифуркации единой сложнейшей социальной системы. Таким образом, на вопрос о возможности применения принципа нелинейного детерминизма в исторических исследованиях можно ответить только положительно. Вопрос же о том, насколько этот принцип может заменить традиционные представления, остается, по мнению автора, открытым. Решение указанной проблемы связано с преодолением неизбежного конфликта, возникающего между традиционными для исторической науки подходами и той нестабильностью, способной изменить саму суть, характер и структуру исторического исследования, которую несет в себе принцип нелинейного детерминизма. Следствием принятия нелинейного подхода являются новое видение проблемы цели и смысла истории (в виде возвращения к вопросу: а есть ли смысл вообще?), отказ от эволюционизма, от представлений о прогрессе и регрессе, но, вместе с тем, принятие постулата о существовании внутренних законов развития (законы нелинейной динамики).

По мнению автора, представление о нелинейном детерминизме социальных процессов является, прежде всего, продуктом своего времени, поскольку полноценное понимание процессов, происходящих в современном обществе, как на глобальном, так и на конкретно-историческом уровне, возможно только с его помощью.

Проблема обратимости социальных явлений и феноменов. Для синергетического подхода характерным является постулат о необратимости изменений изучаемых систем. Между тем, подобные свойства исследуемых синергетикой систем неживой природы тяжело в полной мере перенести на сложные социальные образования, развитие которых во многом является обратимым.

Проблема субъективности и свободы воли. Уже в формулировке данной проблемы скрывается основная причина тех сложностей, с которыми сталкиваются исследователи-

гуманитарии, применяя синергетический подход в исследованиях социальных явлений прошлого. Как уже не раз подчеркивалось, объектом синергетики являются сложные самоорганизующиеся системы неживой природы, для которых фактор субъективности по определению не характерен. Однако для социальной реальности последний является, несомненно, формообразующим. Как следствие, наиболее успешными с точки зрения применения синергетики в исторических исследованиях являются, в первую очередь, теоретические разработки на макроуровне, т. е. создание уже упоминавшихся объяснительных схем в истории. Именно на теоретическом уровне фактор субъективности сведен к минимуму. В случае же конкретно-исторического анализа возникают очевидные сложности. Объектом конкретно-исторического исследования является та или иная историческая ситуация определенного масштаба. В любом случае основу ситуации составляет, как правило, деятельность одного или группы субъектов, обладающих свободой воли, но вынужденных соотносить свои действия и решения с существующими социальными реалиями, зачастую от них независимыми. Так или иначе, в структуре ситуации субъективная ее часть занимает значительное место.

Сложность решения указанной проблемы с позиций синергетики заключается в невозможности полноценного системного описания когнитивной сферы субъекта ситуации и подчинения его законам нелинейной динамики. Ключевое препятствие на этом пути – сознательная и волевая деятельность субъекта, которая представляется, с одной стороны, хаотичной, а с другой стороны, в силу собственной интенциональности, межсистемной и недетерминированной. Кроме того, повседневное и во многом научное мышление с точки зрения создаваемых им ментальных конструкций является консервативным (в терминологии синергетики). Это означает, что в его основе лежит соблюдение упомянутого И. Пригожиным и Г. Николисом принципа сохранения, который заключается в наличии у системы (в данном случае таковой является любой ментальный конструкт) некоего первичного элемента, не подверженного изменениям [2]. Поскольку отправной точкой мышления является его субъекта, имманентно присутствующее в любом ментальном акте, очевидно, что именно оно способно выполнять функцию указанного первоэлемента системы. Если вспомнить, что любая социальная ситуация вырастает из деятельности субъекта, а деятельность опирается на мышление и является его продолжением, то очевидно, что социальная реальность, по крайней мере в значительной своей части, консервативна.

Тем самым субъективная составляющая исторической ситуации хотя бы отчасти выводится за рамки предмета рассмотрения синергетики. С другой стороны, социальная реальность ни в коей мере не является результатом исключительно сознательной деятельности ее субъектов, более того, колоссальное количество научных подходов опровергают этот постулат. Даже если не принимать крайнюю точку зрения, характерную для некоторых из подобных подходов, и не исключать фактор субъективности из числа ключевых факторов социального бытия, все равно представляется несомненным тот факт, что многие явления, изучаемые гуманитарными науками, по своей сути нелинейны, по ряду параметров необратимы, во многом случайны. С точки зрения субъекта ситуации такими характеристиками обладают практически все внешние по отношению к нему социальные феномены, за исключением некоторых, служащих опорой для его мышления (например, система права или собственные интерпретации любого социального явления). С позиций исследователя исторической ситуации реальность представляется иной.

Преодоление этой проблемы возможно при рассмотрении субъекта деятельности с позиций системы, элементом которой он является. С этой точки зрения его поведение определяется состояниями системы, режимами-аттракторами, т. е. состояниями, к которым тяготеет система (в том числе, так называемыми «странными аттракторами»). Деятельность субъекта описывается в таком случае как процесс выхода из некой точки фазового пространства (по сути, точки отсчета) на аттрактор. «Чем ближе к аттрактору заданное начальное условие, тем меньше времени необходимо для того, чтобы попасть на аттрак-

Однако рассмотрение деятельности субъекта с точки зрения системы по-настоящему возможно на макроуровне, в то время как попытки изучения конкретной ситуации через призму глобальных социальных законов, выводимых, как правило, теоретически, редко дают стопроцентный результат. Рассмотрение же ситуации с точки зрения личности неизбежно приводит к проблеме взаимоотношений субъекта как носителя консервативного (с системной точки зрения) мышления и социальных условий, функционирующих как открытые системы.

Особенно четко и остро подобное взаимодействие проявляется в ходе процесса модернизации, когда изменение общественного сознания зачастую не успевает за изменением социальных условий. Например, в 20-е годы XX века в БССР подобный процесс осложнялся еще и тем, что инициированный властью процесс модернизации был основан на достаточно обобщенной теоретической конструкции. Очевидно, что попытки реализации теории применительно к системе, действующей по принципу самоорганизации, были восприняты последней как внешнее по отношению к ней воздействие, что вызвало соответствующие внутренние процессы. Общественное сознание вынуждено было ориентироваться и на теоретические идеологические конструкции, и на внутрисистемные, независимые социальные процессы, что приводило к серьезному конфликту.

Проблема характера социальных систем и социальных морфологий. Ответ на этот вопрос зависит от того, с каких позиций рассматривается историческая действительность: с позиций систем или с позиций субъекта ситуации. Гуманитарные науки, имеющие дело со свободным волеизъявлением субъекта, имеют право ставить вопрос в такой плоскости. В связи с этим любое социальное явление, имеющее системный характер, с точки зрения его изучения представляется комбинированным. Если выражаться точнее, комбинированный характер имеет сама историческая ситуация как объект анализа, в том смысле, что она состоит из системных элементов различного характера. Проведение в рамках исследования соответствующего разграничения представляется крайне необходимым.

Есть еще одна весьма значительная причина, затрудняющая усвоение синергетической парадигмы исторической наукой, которая носит сугубо методологический, процедурный характер. Синергетика как наука о неживой природе возникла и получила основной импульс развития в рамках, прежде всего, химии и физики, перейдя в дальнейшем в биологию, затем экономику. Общим для указанных наук является наличие чрезвычайно развитого математического аппарата. Глубинная суть описываемых синергетикой процессов заключена зачастую в рамки достаточно сложных формул, служащих, помимо прочего, инструментом объяснения. Основная сложность для социальных наук заключается отнюдь не в неспособности гуманитариев понять подобный язык описания. Существо проблемы лежит, очевидно, в характеристиках самого объекта исторической и некоторых других гуманитарных наук. Объекты тех наук, для которых в полной мере применим синергетический подход, могут быть успешно формализованы в ходе изучения. Социальная реальность как научный объект не обладает таким свойством. Получившие в последнее время распространение методы измерения социальных явлений относятся не к основным, а к одним из основных методов исторической науки. Далеко не всякое историческое явление может быть формализовано и измерено.

Отсюда вытекает еще одна проблема. Среди краеугольных методов естественных наук нужно выделить наблюдение и эксперимент, за которыми следуют теоретические построения. Можно смело утверждать, что естественные науки отличаются от гуманитарных различной степенью участия познающего субъекта в описании и, в каком-то смысле, интерпретации изучаемого явления. Научные подходы последних десятилетий, начиная с герменевтики и продолжая постмодернизмом, ясно демонстрируют, что любой текстовый либо устный (т. е. языковой) исторический источник является лишь посредником между его автором как носителем своего культурного контекста и адресатом, также принадлежа-

щим к тому или иному социально-культурному полю. Исследователь лишь подключается к межкультурной коммуникации, усложняя ее за счет привнесения элементов своего дискурса. В силу этого степень интерпретированности исторического явления и интерпретации в процессе познания в исторической науке на порядок выше, чем в естественных дисциплинах, что, в свою очередь, затрудняет и формализацию знаний, и решение проблемы истины.

Указанные сложности лишней раз свидетельствуют о необходимости взвешенного применения синергетического подхода к исследованию социальных явлений и комбинирования его с другими, уже наработанными методологическими принципами.

На фоне перечисленных сложностей синергетический подход отнюдь не утрачивает целый спектр неоспоримых своих преимуществ. В чем они заключаются?

Во-первых, создатели синергетики смогли учесть всю совокупность тех недостатков, какими обладали предшествующие научные парадигмы. Следует еще раз указать, что появление подобного стиля научного мышления было подготовлено всем предшествующим опытом развития науки и общества. Переход на качественно новый уровень развития науки стал возможным по достижении ей определенного критического уровня, для преодоления которого традиционных методов оказалось недостаточно. Кроме того, нельзя не отметить, что интерес социальных наук к синергетике также заложен в характеристиках присущей современному обществу динамики развития, для объяснения которой традиционные методы уже не годились.

Во-вторых, синергетикой был установлен совершенно новый стандарт междисциплинарности. Появление этой науки пришлось на период роста в научном мире объема междисциплинарных исследований, осознания необходимости подобного рода шагов для преодоления многочисленных сложностей научного познания. Изначально междисциплинарные исследования были возможны именно на стыке двух, как правило смежных, научных дисциплин. С появлением синергетики стало реальным более глубокое и одновременно более детальное совмещение научных подходов, основанное на взаимодействии методологических ядер наук без насущной необходимости создания их гибридов. Достижимое при этом взаимопроникновение наук носит более глубокий и перспективный характер.

В-третьих, благодаря синергетике в научный оборот, в том числе в гуманитарных дисциплинах, была введена масса новых объектов для исследования. К таковым можно отнести в первую очередь понятие хаоса. Традиционно хаос был для науки сугубо негативной категорией, которая противостояла научному мышлению и мировоззрению. Синергетике удалось органично встроить понятие хаоса в научную картину мира и если не сделать его объектом целенаправленных научных исследований, то заставить учитывать как важнейший фактор любого системного развития. Под хаосом стала пониматься исходная неупорядоченность, лежащая в основе развития. Обнаружение в рамках исследования какого-либо объекта хаотичных явлений служит теперь признаком того, что данный объект содержит в себе потенциал для возникновения принципиально новых системных состояний.

В-четвертых, в рамках конкретно-исторического анализа чрезвычайно плодотворными выглядят те возможности, которые предоставляет синергетическая парадигма для расширения и развития системного подхода. Помимо традиционных выделения структуры, определения функций элементов и связей между ними, появляется возможность и необходимость оценки системы посредством совокупности новых параметров, которые характеризуют состояние системы, ее развитие и функционирование (энтропия, неравновесность, нелинейность, самоорганизация, самовоспроизведение, мультистабильность, иерархия и т. д.). Более того, появляется возможность полноценного выделения и описания динамических по своей сути систем, своеобразных ситуационных, «одноразовых» состояний, имеющих системный характер и зачастую играющих в конкретной ситуации определяющую роль. Примером подобного рода систем может послужить взаимодействие в рамках определенной исторической ситуации индивидуального и интенционального ее компонен-

тов. С одной стороны, крайне затруднительной, как уже упоминалось, является даже поверхностная систематизация индивидуальной сферы субъекта, даже взятой в конкретный момент. С другой – социальная действительность пронизана значительным количеством разнообразных конвенциональных установок, самых разных по своему характеру и нередко не имеющих друг к другу никакого отношения (система общепринятых языковых правил и негласные конвенции узкой социальной группы и т. д.). В процессе же своего социального действия субъект ситуации объединяет описанные элементы по определенным признакам, формируя из них систему, существующую лишь в рамках данного действия. Принципы синергетики позволяют не упускать из виду ни один факт, связанный с системой на протяжении ее существования, и, более того, видеть даже после ее исчезновения тот след, который она оставила в исторической ситуации.

Таким образом, синергетический подход с точки зрения применения в социальных науках обладает мощным, далеко еще не раскрытым в полной мере эвристическим потенциалом. Вместе с тем, он требует дальнейшей его адаптации как к историко-философским, так и к конкретно-историческим исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорцов В. Н. Методология истории. – Мн.: Университетское, 1999. – С. 48.
2. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990. – С. 58.
3. Афанасьева В. В. Детерминированный хаос: от физики к философии. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 89.